ЗОРЯ ГАЛИЦКА.

ЛЬВОВЪ. СУБОТА. **Ч. 17.** дня 17. лют. (1. мар) 1851.

Выходитъ що середы и суботы. Цѣна на текущее чвертьроче для ôдбирающихъ въ Редакціи: 1 рен. 10 кр. — черезъ почты: 1 рен. 30 кр. ср.

О нѣжномъ полу и о вліянію его на народность нашу.

Єсть то сȣдьба всѣхъ оугнетенныхъ чȣжиною народôвъ, и наша, же мы въ нашой любимой батькôвщинѣ не бȣли такъ щасливыми по нашемȣ воспитати и образоватисѧ, но ôтъ дитинѧчества звȣки чȣжой бесѣды, а съ ними и чȣвства чȣжіи вліѧли на дȣшȣ нашȣ, и преобразовали въ нѣжныхъ еще лѣтахъ нашъ бȣдȣщій вѣкъ. Мы возросли, не запытавши сѧ николи щиро самыхъ себе: „Що ѧ?“ Єсли не въ низкой селѧниньской хатинѣ возлюлѧлисѧ первыи дни нашѝ, рѣдко гденигде бȣла щира Рȣсинка нашою матерью. Тôлько пѣснѧ пѣстȣнки рȣской, первыи слова, которысьмо єи подражали, полишили ѧкоесь глȣбокое впечатлѣніє въ сердцю нашôмъ и осталисѧ мелодією дȣши нашой не перегомонѧючою ажъ до могилы Но сȣмно згадати, же часто въ тыхъ лѣтахъ нѣжного чȣвствованіѧ насъ немилосердно ôтъ того, що намъ солодкимъ бȣло, наша родителька сама ôтрывала; слова рȣской нѧньки нашой часто наши рôдни матери подражати намъ заказовали — „щобы то дитина не спростѣла“ и мы принȣждени бȣли свого лишитисѧ про тое, що мать наша не понимала того, же єсть Рȣсинкою не ино обрѧдкомъ, але и народностью.

Зъ насъ невинныхъ малыхъ перекинчикôвъ смѣѧносѧ, єслисьмо до выȣченой комнатной бесѣды, и нашȣ всенароднȣю, которою и въ кȣхни беседовали, мѣшали, а такъ мы въ маленькости вже выȣченѝ бȣли встыдати сѧ свого, а за чȣжимъ гонити. И ôтти то походитъ, що мы хотѧ нынѣ иначе о нашой народности пресвѣдченѝ, завсѣгды еще того встыда, ѧкбы воплощенного ѧкого ôдъ маленькости налога, позбȣтисѧ не можемъ. Матери наши най въ грȣдь сѧ оударȣтъ и скажȣтъ: „Согрѣшихомъ.“ Они то сȣть основою нашого блага, они правительками чȣвствъ нашихъ, но и они винительками безчȣвствіѧ и беззаконій нашихъ. Комȣ припадає вина за тое, що нынѣ тôлько перекинчикôвъ числимо? По найбôльшой части воспитанію ихъ въ нѣжномъ вѣкȣ, которое найпаче матери припадає. Часто отецъ найщирѣйшимъ былъ Рȣсиномъ, и хотѣлъ певно дѣти по рȣски выховати, а предцѣ сынъ такого ревного Рȣсина ажъ въ семинаріи часто оучилъ съ рȣской бȣквы — рȣской молитвы. Бо мати вліѧла не ино на сына, але и на отца, а мати чȣвствовала, ѧкъ и доси еще

чꙋвствꙋютъ много, же образованіе и честь то̂лько въ польскомъ ꙗзыцѣ, а рꙋскій сказаный на оуста простолюдиновъ. Намъ не милꙋ правдꙋ тꙋю на матери наши о̂твирати, — бо она всѣмъ звѣстна, пригадꙋемъ ю то̂лько, дабы молодшіи матери и дѣвицѣ старалисѧ поправити согрѣшеніѧ старѣйшихъ и въ тыхъ, на которыхъ то̂лько вліѧютъ, вщеплѧли любовь ко свомꙋ, и тѣмъ основали ихъ благо и свою честь и гараздъ народа. Найбы они подꙋмали, же человѣкъ въ своемъ, себѣ питомо̂мъ, природно̂мъ легше и съ бо̂льшою любовью и вотхновеніемъ оусовершаесѧ, ꙗкъ въ то̂мъ, чого о̂тъ чꙋжинцевъ наꙋчитсѧ. Ꙗ свѣтъ теперь бажае совершенства — а предѣлы народности оупали, та и честь нашого народа и ꙗзыка вже выникла зъ давной притьмы на ꙗсный день. Найбы памѧтали, же ꙗкъ нынѣ не одинъ Рꙋсинъ матери своей долженъ свое нещастье, свою ганьбꙋ и проклѧтіе народа цѣлого; такъ за ихъ щиро-рꙋское воспитаніе бꙋдꙋтъ имъ благословити ихъ дѣти и всѧ Рꙋсь. Найбы не забꙋвали, же они сꙋть движнею чꙋ̂вствъ нашихъ, же на нихъ свѧтаѧ должность немовлѧти наꙋчати питомого нечꙋжого ꙗзыка и питомыи чꙋвства — народо и отечестволюбіе въ серденька невинны вщеплѧти, дабы въ нихъ розросли сѧ, и розліѧлись колись къ благꙋ и спасенію народа нашого на всю просторонь его земли. Найбы оурозꙋмѣли, що тыи, которыхъ нынѣ при грꙋдехъ держатъ, сꙋть-то высокіи чиновники краеви, владыки, министры, енералы, оучени, поеты, хꙋдожники, и пр. же минꙋли часы тыи, що рꙋска матерь сына то̂лько свѧщенникомъ оузрѣти могла — границю тꙋю тѧжко бꙋло перестꙋпати — и той часто мимо званіѧ до сего трꙋдливого сана мꙋсѣлъ сꙋдьбѣ своей по̂ддатисѧ; бо то̂лько надъ семинаріею меркотѣла наша звѣзда. На завсѣгды перешꙋмѣли тыи времена, наша днина всходитъ, наше житіе розбꙋдилось — и бꙋдꙋщно̂сть въ рꙋцѣ нашой.

(Заключеніе слѣдуе.)

Памятное писаніе

Земплинскихъ Русино̂въ.

(Продолженіе.)

1. Хотѧй никоторыи знаходѧтсѧ и се то̂лько въ единицѧхъ, иже не понѧвши своего племени состоѧніе теперѣшное, его станище межи прочими родинами Австрійской державы и величавꙋю бꙋдꙋщно̂сть, веденыи користолюбіемъ ко иноплеменникамъ прилѧгаютъ оуказываѧ имъ свою вдѧчность за ласки, не встыдаютсѧ противъ засады и своего дꙋховного сана лицемѣрно исповѣсти, же своихъ вѣрныхъ нарохіѧнъ мовꙋ нерозꙋмѣютъ, а протое не рꙋскимъ но инымъ ѧзыкомъ законныи розпорѧдженіѧ полꙋчати желаютъ; мы же напротивъ сего малесенького преломка съ ꙗвною опредѣленностею и рѣшительностею выстꙋпаемъ и жадаемо: абы жаденъ оурѧдникъ иже желаетъ быти въ гражданскомъ, политическомъ и дꙋховномъ сношенію съ народомъ не былъ на тое мѣсто поставленъ, аще не говоритъ ѧзыкомъ народа — оурѧдникъ оубо естъ длѧ народа — а не народъ длѧ оурѧдника. Сего ради въ каждомъ санѣ поставленыи оурѧдники бꙋдь-то въ гражданскомъ или дꙋховномъ повинни розꙋмѣтельно такимъ живымъ ѧзыкомъ народꙋ законы такъ гражданскіи ꙗкъ и Божіи обѧснѧти, которымъ народъ самъ бесѣдꙋетъ. Самъ бо Спаситель міра ко народꙋ тымъ глаголалъ ѧзыкомъ, который тогда во оупотребленію народа бысть; также всѧкими розличными ѧзыками бесѣдꙋющіи Ꙗпостолы не иными токмо тыми ѧзыками глаголали, который ꙗкое племѧ ихъ вы-

разꙋмѣвало. Єсли бы знашелсѧ свѧщенникъ нѣкїи, который бы нѣмецкимъ, францꙋзкимъ, оугорскимъ или инымъ ѧзыкомъ говорилъ, то изъ сего еще неслѣдꙋетъ, ꙗко изъ предреченныхъ ѧзыковъ которымъ бꙋдь можна законы народови оудѣлати, законы бо оудѣлѧютсѧ не длѧ одного свѧщенника, или оурѧдника, тôлько длѧ народа. Нашъ народъ при оскꙋдѣнїю оучилищь главныхъ и начальныхъ зоставшїй тôлько при своемъ матерномъ ꙗзыцѣ, единоточо рꙋскїй розꙋмѣетъ. Въ иной же мовѣ емꙋ законы оудѣлѧти значилобы емꙋ насилїе робити, его оутискати, и мадѧризовати.

Аще нахождаетсѧ такъ неблагодарный нещастный заблꙋжденецъ, который поскѧщающисѧ дꙋховномꙋ санови поставленый на высшїй степень житїѧ, спринев́ѣрившисѧ противодѣйствꙋетъ справѣ народной, и народови изъ которого жїетъ, о тôмъ нема щосѧ диковати, бо и меже Апостолами знаходилсѧ одинъ невѣрный Юда... „*Pauperes semper habebimus nobiscum,*" а потомъ междꙋ всѧкого народа племенемъ сꙋть заблꙋжденци, которымъ недостае правдивого просвѣщенїѧ, или тщеславїе отдалѧетъ ихъ отъ своей народности, отъ той матери народа, ꙗкъ отъ матери, котора его на свѣтъ выдала; но такїи сꙋтъ въ довременной слѣпотѣ слабого дꙋха и незнаютъ що роблѧтъ. Ибо племѧ, отъ негоже невѣрностїю оскверненый отдалилсѧ, про то жїе, дань отдаваетъ, коиновъ про охоронєнїе трона съ охотностею доставлѧетъ и про общее добро всѧкїи тѧгары зношаетъ. Но ко такомꙋ отроженцꙋ безчꙋвствительномꙋ, иже спринев́ѣрѧесѧ своемꙋ племени, никто неможе имѣти довѣренности, бо онъ никомꙋ бꙋде постоѧнно вѣрный, ни Царю, ни его престолꙋ, ни высокомꙋ правительствꙋ его. Що еще больше мы обꙋчилисѧ воспитомъ, що ни токмо такїй кровопродатель, но также и тотъ, кто его хранитъ стаесѧ невѣрнымъ обыкновенно тронꙋ и высочайшомꙋ правительствꙋ. — Мы признаемъ що и меже Рꙋсинами оу насъ знаходѧтсѧ такїи единственныи, которыи сѧ спринев́ѣрили; на нихъ, ꙗкъ изъ овчои кожи выверждаемыхъ и прокаженныхъ, неможна найменшое вниманїе обертати, но рꙋскїй ѧзыкъ въ нашемъ окрꙋзѣ ꙗко цѣлого племени по примѣрѣ дрꙋгихъ рꙋскихъ окрꙋговъ за оурѧдовый взѧти и розпространѧти законно жадаемъ. А вопрошаемъ:

5. Ꙗкїй хосенъ или шкодꙋ бꙋдетъ мадѧрское оурѧдничество имѣти, аще Земплинскїи Рꙋсини не инымъ, но матернымъ ѧзыкомъ полꙋчати бꙋдꙋтъ законы правительственныи. Тадже хотѧй бы и непресылалисѧ Рꙋсинамъ законы въ ихъ народномъ ѧзыцѣ — через сїе — Рꙋсини нестали бысѧ Мадѧрами, ꙗкъ и до теперь сѧ нестали ани неперемѣнили, когда всѧкїи средства изъобрѣтано, дабы насилїемъ рꙋскїй ѧзыкъ истребити а мадѧрскїй чꙋжїй нашомꙋ народови розкоренити. Мы бꙋдемъ тымъ сильнѣйше совершати и розвиватисѧ, чимъ бôльше насилїѧ искꙋсимъ. Мы дꙋмаемо и видимо, що в. правительство на томъ ничого не терпитъ, но тымъ большꙋю пользꙋ полꙋчае, найперве понеже длѧ прочихъ Рꙋсиновъ въ рꙋской мовѣ много печатаесѧ екземплѧрей законôвъ а потомꙋ що народъ рꙋскїй бꙋдетъ такимъ образомъ волю в. правительства розꙋмѣти и ю точнѣе исполнѧти. Въ мадѧрской мовѣ розосланыи законы еще до нынѣ лежатъ мертвыми длѧ народа, который тои мовы нерозꙋмѣе. Дꙋшевное воздвиженїе наꙋки, единоточїю матернымъ ѧзыкомъ можетъ полюбити кождый, при томъ не одинъ любитель Рꙋсинъ може и мадѧрскомꙋ ѧзыкꙋ наꙋчиватисѧ. Тое цѣли не есть оугоднымъ и неотвѣщаетъ

воли Найвысшого Монархи если Земплинскій мадарскій магистратъ препятствія изобразованію рускому языку кладе и стараеся его истребити; а то ся дѣе нынѣ, когда каждое найменшое племя имѣетъ право свой языкъ изобразовати, а такъ при ровноправности, при признанію и наданію каждому народови естественныхъ и человѣческихъ правъ, одинъ рускій народъ въ Земплинскомъ окрузѣ имѣетъ исключенъ быти, и подъ игомъ чужой народности (мадарской) стогнати, въ рабствѣ страдати и корыстолюбными утисненымъ быти?! Ни мы въ такомъ пониженомъ и презрѣномъ станѣ неможемо довшое время зостати, онакше сами быхмо на себе у нашого будущого поколѣнія проклатіе и презрѣніе стягнули! Про тое мы ничого нового нежадаемъ токмо приведенія закона въ житіе желаючи: Да языкъ и народность нашая въ политическомъ взгладѣ на вниманіе достойное возметея.

(Продолженіе слѣдуе.)

ЗАГРАНИЧНІИ ИЗВѢСТІЯ.

Вѣдень. Зъ вѣрительныхъ жерелъ довѣдуемося, що французкое правительство, когда протестовало прилученію ся Австріи совсѣма провинціями до союза нѣмецкого, немало николи того намѣренія войну объявити; хотѣло оно только предохраненіе политичное положити.

Дрезденъ 20. лют. Князь Шварценбергъ отрималъ ноту, въ которой правительство прусское отказуе свое вспомоществованіе въ учрежденіи новой центральной власти для Нѣмеччины; и желае ничого предже недѣлати, доки всѣ правительства нѣмецкіи по пересмотру законовъ союзныхъ свои мнѣнія явно и свободно не обявлатъ. —

Берлинъ 22. лютого. „Тел. деп." После вѣдомостей зъ Дрездна, мае быти завтра всеобщое засѣданіе. — Между прусским уполномоченымъ г. Алвенслебенъ въ Дрезденъ и министеріальнымъ президентомъ г. Мантайфель зайшли непорузумѣнія, относительно становища, якое Прусы занати мають противо найновѣйшимъ сообщеніямъ, съ якими Австрія выступае.

Имошье (на границы Герцеговины) 11 лютого. Скандербегъ перейшолъ рѣку Нарентъ коло Когницы съ 1400 мужа и 7 пушокъ безъ препятствія. Матежники здѣлали коло Бозцы 8 миль отъ Мостарь въ силѣ 1000 людей и одной пушки сраженіе съ великимъ однакожъ ущербкомъ. Познѣйше посунулись назадъ 6. миль ближше до Мостарь. Дна 9. с. м. розогнани по двогодинному сраженію и отперта були ажъ подъ муры Мостарь. Бѣгство предводителевъ вельми ихъ зневохотило и такъ лишились мужества, що Скандербегъ вчера въ полудне безъ удара мечемъ и пролитія крови до Мостарь войшолъ. Кавасъ Пашу и 200 матежниковъ окружено коло Гайко. Матежники оставили на боевиску множество убитыхъ, а всѣ ихъ начальники убѣжали, покидаючи свои замки и семейство.

Зъ надъ Боснянской границы. Омеръ Паша опустилъ съ цѣлымъ войскомъ Сераево, що и Везиръ со всѣма урядниками учинилъ. Цѣлое жительство христіанское въ боязни, поне же выставлено есть на преслѣдованье Турковъ, котори не только Султанови, министеріюмъ и Омеръ Паши неспріяютъ, але и всѣхъ раясъ (христіанъ) не навидатъ. — Здается що дѣйствіе войны перенесеся къ западнымъ сторонамъ.—

— Когда городъ Мостарь поддался, убѣжалъ Кавасъ Паша, якъ говоратъ до Загура, а отъ сюда удалъ ся до Кулясинъ дабы могъ своихъ приверженцевъ узбирати. Не мае онъ только своего сына при собѣ, и чотырохъ людей.

— Найновѣйшіи вѣдомости зъ Подпролоѣ оупевнѧютъ, що Кавасъ Паша съ 8 бѣглецами появилсѧ 15 с. м. на границѣ Далмаціи, и просилъ подъ ѧкими бȣдь оусловіѧми о принѧтіе въ тȣю провинцію. —

КРАЙ РОДИМЫЙ.

Львôвъ. О состоѧніи фȣндȣша на воспоможеніе вдôвъ и сиротъ по священникахъ рȣскихъ Архидіецезіи Львôвской съ концемъ года 1850. можемъ подати слѣдȣющȣю вѣдомость.

Выжиченый на процента капиталъ выноситъ	136,100	зр.	—	кр.
въ облигаціи . .	60	зр.	—	кр.
кȣпно	136,160	зр.	—	кр.
Чиста готовизна .	24,620	зр.	36	кр.
кȣпно	160,780	зр.	36	кр.
Изъ сего имѣетсѧ выплатити за годъ 1849				
на 250 вдôвъ . .	3,966	зр.	14 1/2	кр.
на 224 сиротъ . .	5,390	зр.	43	кр.
кȣпно	9,356	зр.	57 1/2	кр.
А такъ до выжиченѧ изъ чистой готовизны остаютсѧ	15,263	зр.	38 1/2	кр.
Въ слѣдствіе выжиченѧ сей сȣммы бȣдетъ на пѧть наростныхъ отсоткахъ капиталъ .	151,363	зр.	38 1/2	кр.

Примѣчаемъ тȣтъ, що вдовы тôлько половинȣ берȣтъ того запоможенѧ, которое статȣтами имъ призначенное есть. Сироты же берȣтъ цѣлое такое запоможеніе.

Если бȣдетъ всѣми, котори имѣютсѧ складати, щира и охоча волѧ, дати належитое, преобладати; то капиталъ малопомалȣ до потребной высоты поднесетсѧ. Однако промышлати надлежитъ средства чрезвычайны, сей такъ спасительный фȣндȣшъ борше и лȣчше двигнȣти. Если бȣдетъ до того волѧ, то о оуспѣхѣ не можъ сомнѣватисѧ, бо добра волѧ много можетъ! М. М.

Львôвъ 11/23 Лютого 1851.

Коломыйка на зрѣлищи.

Не долгій часъ томȣ назадъ, ѧкъ народный нашъ танецъ, Коломыйка, по кȣрныхъ тôлько хаткахъ былъ выразомъ чȣвства сȣмодȣшіѧ но и хорошой жвавости нашого селѧнина; образованнѣйшими оуважанъ былъ бôльше за скочнû пласы, нижь за истинный танъ. Нынѣ ôнъ перебирае сѧ въ виды вырозȣмѣльшіи, нынѣ еманципȣе сѧ, и изъѧвлѧе цѣхȣ искȣства. Бо нынѣ Коломыйцѣ за тѣснû вже комнаты священническіи, за тѣсна ей даже салѧ на стрѣлници, нынѣ ей вже выгоднѣйше на мѣстци просторооннѣйшôмъ — на зрѣлищи! Слава Г. Мѣннѣ Вернеръ, танечницѣ здѣшного театрȣ, котора въ вечеръ свого бенефиса (27/8 Лютого 1851) справила любопытной пȣбличности несподѣванкȣ милȣ, представлѧючи сѧ нашимъ народнымъ таномъ. И правдȣ сказати, таѧ Коломыйка не мало любопытныхъ зрѣтелей принадила. Бо въ короткôмъ часѣ 10/22 Лютого с. р. спѣвачка Г. Каролина Вакъ по разъ вторый выбрала на свôй бенефисъ Коломыйкȣ, где зновȣ Г. Вернеръ съ Г. Аимъ продȣковали сѧ. О кôлько танъ той сподобалъ сѧ, доказомъ есть обома разами восторгъ великій и окласки шȣмнû, которымъ ложи переводили. По кôлько-разовымъ громоголоснôмъ и оупертôмъ выклыкованю, танъ мȣсѣлъ быти повтореный. И въ истиннѣ Г. Вернеръ хорошо понѧла дȣха нашой Коломыйки, и выразила го въ поставѣ невинной, въ рȣхахъ стыдливой, въ пристроенію сѧ чемной, и въ цѣлôмъ танѣ правдивой, наивной Рȣсинки. Не менше Г. Аимъ вѣрно и хорошо представилъ рȣского молойцѧ, но лише присюды слабеньки были. — Мило то есть видѣти иныхъ, не своихъ, занѧтыхъ наши-

ми дȣмками, мило намъ было и зъ честныхъ балетничокъ на рȣскомъ повитати балю, но при сей слȣчайности оугодно пригадати Г. И. В. доси занимавшемȣсѧ народными забавами, дабы при найближшôй слȣчайности пославитись можна не Коломыйкою обыкновенною, но такъ званою „Львôвскою Коломыйкою зъ фѣґȣрами.“ Така Коломыйка, поважныхъ и широ-солодкихъ мельодій, малонькихъ зворотôвъ, несконченого молѣтонȣ звȣ̂ковъ жалосливыхъ, якъ житье и дѣянїѧ народа нашого, така Коломыйка скорше до сердцѧ припасти здôбна. При такой Коломыйцѣ молодець держитъ дѣвицю за стѧжкȣ или хȣстку, и тымъ способомъ ю провадитъ. За данымъ знакомъ пȣщаютъ дѣ̂вчата стѧжки и оутѣкаютъ со веселымъ ôдскокомъ ôтъ молойцѣ̂въ, тыи заламȣючи рȣки и выражаючи жаль гонѧтъ за ними, а коли дѣвчата видѧтъ сѧ принȣжденй̂ зновȣ стѧжкȣ принѧти, спȣщаютъ оченьки, закрываючи часть лицѧ, на знакъ невинного стыда, малымъ своимъ фартȣшкомъ. Єли танъ оукôньчитись мае, тогда стѧжка сама спадае, дѣвица спѣшитъ до молойцѧ, и оущасливленй̂ крȣжатъ обое въ коло, а рȣко-клѧсканье заглȣшае гȣдьбȣ. Такїй танъ выпровадила одна пара на минȣвшôмъ рȣскомъ балю, и въ такомъ тани изъображае сѧ дȣмка народа, о! и яка ще дȣмка!!

Северинъ Шеховичь.

Господарство сельское.

Розправа о пчелахъ.

(Продолженіе.)

Пчола въ значенїю символическомъ.

(Археологїѧ) Оу Грековъ бȣла пчола ознакою (символь) спокойной працовитости, доброго гражданьского порѧдкȣ, отечестволюбїѧ, благословенїѧ, богацтва и щастьѧ; означала образъ дȣши, бȣла взоромъ дȣши въ борбѣ противо злого, всегда яко свѧтое царское звѣрѧ. Пчолаши звалисѧ жреци Деметери яко слȣги чистои Богини а їереевъ при божници великой богинѣ въ Єфезѣ звано пчельними царѧми (ессеносъ). Яко символь доброй державной господарности маеткȣ, знаходитъ сѧ пчола обокъ колоса и кози на монетахъ Аѳена, Єфезы и т. д. — Оу Римлѧнъ означали пчолы, коли на незвыкломъ мѣстци осѣли, нещастье, такъ Помпеѧ, Брȣта, Кассїѧ, Дрȣза.

(Геральдика). Въ денекотрыхъ державахъ сȣть пчолы ознакою пильности и благословенїѧ. Мали оны бȣти гербомъ Франкôвъ, зъ которыхъ, якъ здаесѧ незрȣчни малѧри французки лѣлїю переробили. Вѣдомо же Наполеонъ оусѣѧлъ пчолами свой цѣсарскїй гербъ и коронацїйнȣ одежȣ....

Право пчельное. Собранїе всѣхъ относительно пчеловодства выданыхъ правъ и важныхъ правныхъ засадъ становитъ право пчельное. По римскомȣ правȣ належатъ пчолы до дикихъ звѣрѧтъ, такожъ въ правѣ саскôмъ названи пчолы дики хробаки, по новѣйшимъ правамъ належитъ пчола до хȣдобы домовой. Правныхъ источникôвъ до оуставодавства пчельнаго естъ дȣже мало, длѧ того тое сѧ операе по бôльшой части о давни звычаи.

Все, що права пчельного сѧ касаетъ, можна зôбрати въ наступȣющее:

Рои, котри не знаходѧтъ сѧ въ власности и въ дѣѧтельномъ посѣданїю дрȣ̂гого, могȣтъ, яко до нѣкого неналежащи, ôдъ каждого кто ихъ знайде, присвоеными бȣти, съ изъѧтїемъ лѣсныхъ пчôлъ такъ званыхъ бартôвъ — тыи сȣтъ власностею того, на чїемъ грȣнтѣ сѧ знаходѧтъ.

Власность пчôлъ залежитъ конечно ôдъ безпосредного посѣданїѧ таковыхъ, и оутѣкающого роѧ може властитель только такъ дол-

го за свою власность оуважати, зверненя того жадати, ѩкъ долго его зъ ока не стратитъ, однакожь лапаючи своего роя невольно шкоды дрȣгомȣ робити —

Пчеловодство есть совсемъ вольнымъ затрȣдненїемъ, и никомȣ не есть заказано таковымъ трȣдитися.

На своимъ грȣнтѣ може каждый ведля своего оуподобаня пчолы тримати, сȣсѣды не маютъ права, чи они сами тримаютъ пчолы чи нѣ, препятствовати мȣ; хиба ѩка оугода, полицїйна осторожность или иное ѩкое важное дѣло на перешкодѣ. Такъ неможна н. п. при дорозѣ хотяй и на своимъ грȣнтѣ ставити пасѣки, понеже пчолы переходящихъ напастȣвати звикли.

На грȣнтахъ вспôльныхъ, де каждомȣ вôльно пасѣки ставляти долженъ, тôй, що пôзнѣйше пасѣкȣ ставитъ, оуважати, тȣю такъ далеко и въ такôмъ мѣстци оучредити, дабы попереднѣйшїй нїякои шкоды не понеслъ. По правȣ нѣмецкомȣ такъ званномȣ Вѣцеминхенъ бȣло тое разстоянїе означено на 2410 шаговъ, познѣйше оузнавано за достатечне сли една пасѣка ôдъ дрȣгой на 800 шаговъ оддалена есть. (Ведля моего переконаня можна ставити и ближше акы ино една одъ дрȣгой горою, або деревами ослонена бȣла).

До сомнительныхъ вопросовъ правничихъ моглобы належати: о колько властитель пчôлъ за шкодȣ, черезъ тыи оучиненȣ есть виноватъ? Тȣ однакожь вспôмнȣти належитъ, що по сȣдебно оузнаныхъ звычаяхъ за зносенїе (зрабованїе) чȣжихъ пчôлъ, властитель за шкодȣ черезъ свои пчолы оучиненȣ, до вынадгородженя принȣжденъ быти неможе, бо досвѣдченїе переконало, що рабȣсѣ (пчолы) тôлько слабыи, занедбани, и зле пильновани пчолы нападаютъ, для того ихъ властитель звикле самъ есть своей шкоды причиною.

Онакша есть рѣчь, коли шкода станеся зъ причини злого на годôвлю кȣпленого медȣ; бо въ томъ слȣчаю одповѣдный есть продавчикъ медȣ и мае вынадгородити понесенȣ шкодȣ, для того долженъ онъ всегда зарȣчити добротȣ и чистотȣ тогожь. А слы не есть чистый или на годовлю не придатный, то лȣчше най го не спродае, най кȣпȣющихъ остереже, що медъ той не есть на годовлю добрый и шкодити пчеламъ може.

На чȣжôмъ грȣнтѣ неможна пчôлъ тримати ѩкъ тôлько за попередною оумовою, зôзволенїемъ и надгородою. А же паны всѣ грȣнта за свои оуважали, зъ той причини и десятинȣ, котра до недавна на пасѣкахъ тяжила выводили. Же десятина, тая погȣба пасѣкъ бȣла дȣже несправедлива, чȣли тое почасти и оуставодатели, и тȣю кривдȣ такъ званымъ пôдпасѣчомъ вынадгороджȣвати наказовали. Такъ въ грамотѣ выданой Авгȣстомъ III. королемъ польскимъ для мѣстечка Ферльова, меже дани наши выраховаными, стоитъ: десяти пчоли (съ додаткомъ але до того волѣ не мае, бо сама на себе робитъ:)

(Заключенiе слѣдуе)

ДУМА.

Ослѣпленiе Василька.

Ой степами степами,
Синими степами
Летятъ галки изъ всѣхъ сторонъ
Многими стадами;
И надъ старымъ Кiевомъ
Стали голосити:
Ой затримайся Васильку!
Тобѣ не гостити
Въ городъ Кiевъ ко братьямъ,
Житье пострадаешъ;
Насѣлися тамъ на тебе,
Тое не внимаешъ!
Не внималъ се Василько
Только съ дружиною

Спѣшилъ въ Кіевъ не вжасаясь
Предъ грозовъ тяжкою.
А въ княжескомъ теремѣ
Въ золотыхъ комнатахъ,
Братъ Святополкъ исъ Давидомъ
Во прекрасныхъ шатахъ,
Ожадаютъ Василька
Въ гостину пріяти:
Дабы єму исъ соколми
Пôдъ сонце не гнати.
О руская землице!
Колижь буде годѣ
Злобной враждѣ и зависти
Во княжескомъ родѣ?
Самъ Святополкъ Васильку
На зустрѣчь выходитъ,
И въ горницю богатую
Съ прелестевь'го вводитъ.
Проситъ мило Василька
Дабы розгостился,
А Давиду поручає
Щобъ гостемъ займился.
Ясне сонце въ поранью
Сплакало горенько,
И глянуло на Василька
Глянуло сумненько!
Не зобачишъ о Князю!
Твого Теребовля,
Лишатъ тебе твои Братья
Свѣта и здоровля!
Ой вже тобѣ по Руси
Бôльше не гуляти,
Съ дружиною хороброю
Вôльшесь не витати!
Не съ дружиновъ гуляти
Серцю дорогою,
Ни тѣшитись рôдной земли
Нивовь золотою. —
Забрящали оковы
Зъ желѣза тяжкого,
Убрали въ нихъ Ростислава
Сына дорогого.
Заскрипѣла й телѣга,
Галки закричали,
Надъ Кіевомъ стародавнымъ
Стадомъ позлѣтали.
А зъ самого Кієва
Въ Бѣлгородъ лестячій
Шумитъ вѣтеръ чорнымъ шляхомъ
Якъ Днѣперъ гулячій.
Туда борза телѣга
Василька помчала,
Вже ся святой Руси мати
По за холмъ сховала!
Въ Бѣлгородѣ въ первоспы
Всюда тихо и тихо,
Лише пугачь по воздусѣ
Возвѣщає лихо.
И въ темницю Василька
Подъ стражевь всадили. —
Тамъ послышалъ Князь якъ ножи
Конюхи острили.
Онъ взнесъ очи къ небесамъ
И рыдає слезами:
Що ни мыслевь неизмѣнилъ
Братей ни словами!
И покрылъ ся Бѣлгородъ
Ще ночевь одною,
Померкнули мѣсяць звѣзды
Съ своєю красою.
Не хотѣлись дивити
На муки тяжкіи,
Що зôслали на Василька
Два Братья лихіи.
Бо ôтъ вѣка па Руси
Таке не видали,
Щобы Братья рôдна брата
Свѣта позбавляли.
Ослѣплено Василька!
Вся Русь стрепетала —
Ôтъ одного кôнця въ другій
С'ю вѣсть подавала. —

Редакторъ І. ГУШАЛЕВИЧЬ.— Типомъ и накладомъ Института Ставропигіянского